Критика и Библіографія.

Б. А. Евреиновъ.

Административное устройство крестьянъ по реформѣ 1861 г.

Прага. 1926 г. 61 стр.

Кто желаетъ уяснить себѣ жизненные процессы, обнаружившіеся въ сельской Россіи въ теченіе второй половины XIX ст. и въ значительной мѣрѣ повліявшіе затѣмъ на ходъ и исходъ нагрянувшихъ на Россію революціонныхъ потрясеній, тотъ, конечно, долженъ начать свои изысканія съ исторіи крестьянской реформы 1861 г.

Небольшая, но очень содержательная книжка Б. А. Евреинова посвящена исторіи той части этой реформы, которая касалась административнаго устройства освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Сжато, но отчетливо авторъ излагаетъ основные вопросы, ставшіе тогда предметомъ обсужденія при выработкѣ соотвѣтствующихъ частей Положенія 19 февраля 1861 г. и прослѣживаетъ ходъ борьбы различныхъ воззрѣній по этимъ вопросамъ.

Сохранить ли за помѣщикомъ «вотчинную власть» надъ освобожденной деревней или предоставить крестьянскому самоуправленію независимость; придать ли этому самоуправленію сословно-крестьянской характеръ или положить начало всесословной мелкой земской единицѣ; слить-ли воедино поземельную крестьянскую общину съ сельскимъ обществомъ, какъ союзомъ административнымъ, или провести между ними рѣшительно разграничительную черту; построить ли крестьянское самоуправленіе въ два этажа въ видѣ сельской и волостной организаціи или отбросить въ этомъ отношеніи инстанціонное начало; какія взаимоотношенія должно установить между крестьянскимъ самоуправленіемъ и органами коронной администраціи и полиціи. По всѣмъ этимъ вопросамъ за все то время, пока разрабатывалась реформа 1861 г. или горячіе споры между представителями противоположныхъ теченій и нѣсколько разъ видоизмѣнялась точка зрѣнія, полагаемая въ основу правительственнаго плана реформы.

Б. А. Евреиновъ внимательно прослѣживаетъ, послѣдовательные моменты этой борьбы и отчетливо освѣщаетъ, какъ идеологическую, такъ и жизненно практическую подкладку сталкивавшихся при этомъ направленій. Отмѣтивъ постановку этихъ вопросовъ въ рескриптахъ, данныхъ при возникновеніи губернскихъ комитетовъ, въ Положеніи программѣ, преподанной для руководства этимъ комитетомъ, въ сужденіяхъ и проектахъ выдвинутыхъ этими комитетами, авторъ затѣмъ подробно разсматриваетъ доклады административнаго Отдѣленія Редакціонной Комиссіи и вызванные этими докладами споры между Редакціонной Комиссіей и депутатами отъ губернскихъ комитетовъ. Сравнительно болѣе бѣгло отмѣчено обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ въ тогдашней прессѣ. Изложивъ, административное устройство освобожденныхъ крестьянъ, какъ оно окончательно было установлено закономъ 1861 года, авторъ затѣмъ вкратцѣ отмѣчаетъ измѣненія, произведенныя въ этомъ отношеніи уже въ пореформенный періодъ. Онъ касается закона 1874 г. (созданіе уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ), закона 1889 г. (земскіе начальники) и тѣхъ перемѣнъ, которыя вводились въ организацію волостныхъ судовъ по закону о мѣстномъ судѣ, принятому Государственной Думой въ 1912 г. Упоминаетъ авторъ и о работахъ различныхъ Особыхъ Совѣщаній, которыя учреждались въ концѣ 90-хъ годовъ и въ началѣ 900-хъ годовъ.

Для желающихъ разобраться въ исторіи всѣхъ этихъ вопросовъ при помощи сжатаго, но точнаго обзора главнѣйшихъ, относящихся сюда фактовъ книжка Б. А. Евреинова можетъ послужить надежнымъ пособіемъ.

А. Кизветтеръ.

Славянскіе курсы уголовнаго права.

Курсы уголовнаго права чешскаго профессора Милоты и польскаго профессора Макаревича имѣютъ одну общую черту. Въ обоихъ трудахъ авторы имѣли дѣло съ системой уголовнаго права, исторически унаслѣдованной славянскими государствами отъ прежняго времени. При этомъ въ Чехословакіи, какъ извѣстно, дѣйствуютъ въ соотвѣтствующихъ частяхъ ея территоріи уголовные кодексы австрійскій и венгерскій, а въ Польшѣ-русское Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 г., кодексы австрійскій и германскій. При этомъ и въ Чехословакіи и въ Польшѣ уже разработаны, по крайней мѣрѣ, частично проекты національныхъ уголовныхъ кодексовъ, долженствующихъ создать единую въ каждомъ государствѣ систему уголовнаго права.

Задача, стоявшая передъ чешскимъ криминалистомъ, была весьма трудной. Надо имѣть въ виду, что австрійскій и венгерск. кодексы глубоко разнятся между собою въ частности и въ опредѣленіи составовъ преступныхъ дѣяній. Поэтому авторъ не могъ представить синоптическаго обзора австрійскаго и венгерскаго уголовнаго права, а избралъ иной путь, именно остановился на параллельномъ изложеніи этихъ двухъ рѣзко различествующихъ между собою системъ права. Сверхъ того, ему необходимо было ввести и изложеніе многочисленныхъ новеллъ, вошедшихъ въ дѣйствіе уже во время существованія самостоятельнаго Чехословацкаго государства. Курсъ проф. Милоты обнимаетъ общую и особенную часть уголовнаго права, и надо удивляться мастерству, съ которымъ авторъ справился съ чрезвычайно трудной задачей. Правда, курсъ чешскаго криминалиста носитъ опредѣленно-догматическій характеръ; теоретическая его часть менѣе развита. Для ознакомленія съ уголовнымъ правомъ, дѣйствующихъ нынѣ въ Чехословакіи, курсъ проф. Милоты является незамѣнимымъ и въ своемъ родѣ единственнымъ пособіемъ.

Курсъ польскаго криминалиста проф. Макаревича охватываетъ лишь общую часть уголовнаго права. Теоретическая часть его достаточно развита. При этомъ авторъ прибѣгаетъ постоянно къ сравнительно-правовому методу и знакомитъ насъ не только съ тройной системой дѣйствующаго въ Польской республикѣ уголовнаго права, но и съ проектами польскимъ, австрійскимъ, германскимъ, швейцарскимъ.

Можетъ вызвать естественное недоумѣніе, что въ курсѣ польскаго ученаго, излагающемъ и систему русскаго уголовнаго уложенія, мы не встрѣчаемъ ни единой ссылки даже на труды главнаго создателя русскаго уложенія. Н. С. Таганцева, тогда какъ при изложеніи другихъ частей курса имѣются ссылки на труды германскихъ и австрійскихъ криминалистовъ. Между тѣмъ въ предисловіи авторъ особо подчеркиваетъ, что онъ желаетъ избавиться отъ слѣдованія исключительно нѣмецкому образцу, и признаетъ, что юридическая мысль высоко стоитъ во Франціи, странахъ англо-саксонскихъ, Италіи и высоко стояла въ Россіи. Намъ, приходилось слышать отъ польскихъ юристовъ, что въ бывшей русской части Польши до сихъ поръ незамѣнимыми практическими пособіями при примѣненіи права являются труды русскихъ авторовъ, русскіе комментаріи и сборники сенатскихъ рѣшеній. Все это ни въ какой степени не отразилось на курсѣ проф. Макаревича, въ другихъ отношеніяхъ очень содержательномъ, и цѣнномъ.

Ал. Манлецовъ.

З. Ю. Арбатовъ.

„Путь скорби"

Романъ 236 стр.

«Путь скорби» — это жизненный путь еврея, родившагося въ русской провинціальной глуши и съ трудомъ пробивающаго себѣ дорогу среди общей вражды и непониманія. Думается авторъ поступилъ неправильно, претенціозно окрестивъ свое произведеніе «романомъ»; даже то, что здѣсь отъ романа въ узкомъ смыслѣ этого слова сдѣлано недостаточно ярко и убѣдительно; фигуры проступаютъ неясно, повѣствованіе ведется отрывочно.

Если на «Путь скорби» смотрѣть просто, какъ на человѣческій документъ, какъ на своего рода автобіографію — то въ нашу эпоху, когда всякаго рода воспоминаніе воспринимается, какъ вкладъ — и «Путь скорби» находитъ свое мѣсто. Авторъ повѣствуетъ отъ перваго лица, повѣствуетъ съ большой искренностью, но конечно, не безъ, пристрастія, всѣ у него точно по схемѣ, раздѣлены на «черненькихъ и бѣленькихъ»; одни — травятъ, другіе — страдаютъ. Авторъ этихъ строкъ принадлежитъ къ тѣмъ, кто по мнѣнію З. Ю. Арбатова, долженъ былъ бы обязательно «травить»; вспоминая въ свою очередь, трудно не отмѣтить такой однобокости автора — описывая одно темное, онъ преднамѣренно закрылъ глаза на другое свѣтлое и поэтому «Путь скорби» для многихъ даже прочитавшихъ его съ интересомъ, воспримется какъ незаслуженная злая обида.

Памяти Мельшина.

— Въ Петербургѣ въ театрѣ бывшаго особняка кн. Юсупова состоялся въ 15-ую годовщину смерти П. Ф. Якубовича-Мельшина вечеръ его памяти. Вступительное слово сказалъ Н. А. Морозовъ. Докладъ о Мельшинѣ, какъ художникѣ, прочелъ А. М. Рѣдько. Воспоминанія о покойномъ прочиталъ его товарищъ по каторгѣ А. В. Прибылевъ. А. А. Гизетти отмѣтилъ связь стиховъ Якубовича съ современными ему общественными теченіями. Сынъ поэта прочелъ неизданное стихотвореніе «Выборъ».

Новая литература

О Василіи Андреевѣ и его ворахъ

Среди воровъ и налетчиковъ Василій Андреевъ чувствуетъ себя совсѣмъ какъ дома. Будто и въ гонѣ родился.

«Волки». «Ошибка». «Про Мишу разсказъ». Наконецъ, даже драма изъ воровской жизни — «Фокстротъ»...

Годъ назадъ это былъ скромный литературный мальчикъ, честно подававшій надежды.

У нѣкоторыхъ это — профессія. Эренбургъ будетъ подавать надежды всю жизнь.

Пильнякъ уже ничего не подаетъ. Ему подаютъ журналы.

Василій Андреевъ прежде гопы избѣгалъ.

Одинъ изъ разсказовъ Андреева даже былъ премированъ на конкурсѣ за добродѣтель.

Теперь развратился — пошелъ въ гопъ.

Добродѣтель онъ уступилъ Каверину. «Девять десятыхъ судьбы» талантливы только на одну десятую. Судьба остальныхъ девяти — это быть безъ судьбы.

Воры и налетчики спасли Андреева. Они обновили его матеріалъ. Мало того! Они обновили литературу.

Ванька Ту-ру-ру и Шурка Хабалка «ощупали бока» русской литературы, подкололи полувѣковую литературную традицію.

«Мертвый домъ» Достоевскаго на пятьдесятъ лѣтъ поставилъ воръ и убійцу на героическій пьедесталъ, превративъ ихъ въ «несчастненькихъ». На остальные двадцать лѣтъ Горькій надѣлъ на нихъ романтическій вѣнокъ.

— Ежели и убиваютъ, такъ исключительно по идеологіи.

Соня Мармеладова стала мученицей. Ее замучили русскія курсистки, пытавшіяся подражать.

У Андреева Соня Мармеладова взыскивала бы съ Раскольникова алименты и чаевое бы взыскала.

У него не «мученики», не «несчастненькіе», не «гордые человѣки». У него—волки.

*

Живетъ Василій Андреевъ на Надеждинской. Пишетъ книги и издаетъ ихъ въ Ленинградѣ.

Напрасно: ему бы завѣдывать регистраціонными альбомами въ Угрозыскѣ. Онъ вѣдь не пишетъ, а карточки регистрируетъ.

«Ванька Ту-ру-ру. Вмѣсто фуражки—тулейка одна...»

Идетъ полное описаніе всѣхъ Ванькиныхъ примѣтъ и судимости: и когда сидѣлъ, и за что ножомъ пырнулъ, и съ кѣмъ котовать намѣренъ.

Опишетъ, отложитъ въ сторону и возьметъ другую карточку.

«Или вотъ святое семейство: Федоръ Султановъ съ сыновьями...»

Идетъ полное описаніе «святого семейства» и всѣхъ его дѣяній, а описалъ, снова въ сторону и за третью карточку.

«Или еще король стрѣлковъ Шурка Бѣлорожій...»

Идетъ описаніе на цѣлой страницѣ или двухъ, кто такой Шурка Бѣлорожій и какъ онъ замѣчательно проситъ милостыню.

Мало? Ну, такъ Андреевъ еще покажетъ. У него вѣдь цѣлые альбомы. Съ ворами онъ не то что пьетъ, а даже закусываетъ.

«Хозяинъ чайной Федосѣичъ такой, но управляла всѣмъ женка его — царь-баба.»

Андреевъ — не помню уже, на скольких страницахъ — опишетъ вамъ и Федоровича, и царь-бабу, и ея кота, и всякаго вола ея. Опишетъ подробно и съ большой любовью.

Это какой-то безконечный «парадъ-але» воровъ и налетчиковъ, въ которомъ Андреевъ играетъ роль дяди Вани. Онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не переберетъ всю Лиговку.

А переберетъ, — схватится за голову.

— Батюшки! А сюжетъ-то гдѣ?.. Гдѣ же сюжетъ?

А сюжетъ у Андреева «Митькой звали». Не сюжетъ, а въ родѣ 20-градусной водки: на видъ ничего, а попробуешь — плевать хочется.

Бываетъ хуже. «Встрѣча» Сейфуллиной — не литература, а только по поводу литературы. Напечатано — по поводу автора, т. е. безъ повода.

Всякій видитъ міръ, какимъ хочетъ его видѣть. Лавренёвъ ничего не видитъ, потому что видитъ только самого себя. Въ «Крушеніи республики Итль» только одинъ герой, да и тотъ какъ три апельсина: непостоянный. Это — самъ авторъ.

*

Василій Андреевъ не умѣетъ кончать. Герои у него кончаются.

Сейчасъ Андреевъ болѣетъ [illegible] это не страшно. Это — болѣзнь [illegible]

Русскіе писатели обычно [illegible] ютъ кончать. Мало того: они [illegible] ожиданно оканчиваются.

Маяковскій только [illegible] поэтомъ. Онъ окончился еще въ [illegible]

Пантелеймонъ Романовъ еще [illegible] начинался. Онъ собираетъ [illegible] матеріаловъ къ будущему [illegible] чать писать — не начнетъ: не [illegible]

«Волки» — это не повѣсть, [illegible] четыи-мнѣ; разница только та, [illegible] мученниковъ Андреевъ самъ [illegible] стѣнкѣ.

Сначала это непонятно. Отку[illegible] кровожадность, когда есть Губсуд[illegible] маешь только потомъ.

Налетчикъ у Андреева не [illegible] эпохіальный. Онъ грабитъ и уби[illegible] какомъ то колоссальномъ, [illegible] масштабѣ.

Это даже выгодно. Съ эпохиальными летчиками легче сводить сюжетик[illegible] взялъ да и поставилъ къ стѣнкѣ.

— Дескать, гибни акула [illegible] порожденіе стараго міра.

Почти всѣ андреевскіе налетчики [illegible] нутъ. Они неисправимы.

Технически Андреевъ слабъ. [illegible] онъ пока не дѣлаетъ, а пишетъ [illegible] онъ замѣнитъ талантомъ. Это [illegible] рѣдко. Гораздо чаще бываетъ [illegible]

Талантъ у него большой. Такой, [illegible] сейчасъ спѣшно ищутъ литератур[illegible] цовъ. Безъ именитыхъ предковъ [illegible] боятся.

Искать Андрееву отцовъ не нуж[illegible] самъ себѣ папа.

Пильнякъ самъ себѣ дѣдушка. [illegible] реписываетъ своихъ героевъ [illegible] разъ.

Мальчики у Андреева [illegible] Они живутъ, какъ хотятъ: [illegible] сологубовски и не по-ремизовски. [illegible] живутъ — не скорю, но живутъ [illegible] главное.

Увы, въ современной литерат[illegible] бываетъ рѣдко. Андрей Старинов[illegible] родахъ и гедахъ не живетъ, а [illegible] нимаетъ мѣсто въ книгѣ. Комп[illegible] онъ — приживальщикъ.

Хорошо также и то, что Андр[illegible] щетъ не много. Всѣ настоящіе пис[illegible] шутъ по много. Они уважаютъ [illegible]

Замятинъ пишетъ только изъ вѣж[illegible] Онъ не пишетъ, а извиняется за [illegible] литературу.

Толстой извиняется только пер[illegible] инспекторомъ. Послѣ «Заговора» [illegible] остальное ему наплевать.

Андреевъ напловалъ на техник[illegible] этому техника пришла къ нему [illegible] покорилась.

«Фокстротъ» — настолько дра[illegible] чески четкая, незаключенная вещь, [illegible] блика во время дѣйствія будетъ [illegible] за кошельки.

(Ж. Иск.) **Ю. Пол[illegible]**

Письмо въ редакцію.

Позвольте заявить при пос[illegible] Вашей уважаемой газеты, что пра[illegible] вода на нѣмецкій языкъ моихъ [illegible] деній принадлежитъ только Е. Г. [illegible] борръ въ Берлинѣ и что всѣ про[illegible] реводчики должны обращаться за [illegible] шеніемъ на переводъ къ ней, во [illegible] ніе судебнаго дѣла.

Ив. Бу[illegible]

Новыя книги

Н. Н. Богдановъ. Пражскія начальн[illegible] лы послѣ войны. Прага. 15 стр.

Прот. Сергій Булгаковъ. Св. Ио[illegible] Іоаннъ. Два первоапостола. Press. Парижъ. 91 стр.

А. Женулина. Всеобщій Совѣтъ по[illegible] пому образованію. Прага. 16 [illegible]

В. Н. Ильинъ. Запечатанный проб[illegible] изтлѣнія. YMCA-Press. Парижъ [illegible]

Жизнь искусства № 15.

А. Ф. Кошко. Очерки уголовнаго м[illegible] ской Россіи. Парижъ. 215 стр.

Проф. А. Манлецовъ. Соціальное по[illegible] о дѣтяхъ въ Чехословацкой Рес[illegible] Прага. 34 стр.

Путь. № 3. Изданъ. Религіозно-фил[illegible] демія. Парижъ. 153 стр.

Практическій Врачъ № 3. Берлинъ

Maria Poliakova. Storie che non [illegible] Novelle. Torino. 232 стр.

Славянская Книга. II. Прага.

Verlag: Rul G. m. b. H., Berlin. Verantw. Redakteur: Dr. N. Radin, Berlin W 15, Kur[illegible] Eugen Kumming, Berlin-Wilmersdorf. Druck von Hempel & Co. G. m. b. H., Berlin. Zuschriften: 7/8.